

УДК 81.33

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ ПОЗДНЕГО ВОЗРАСТА

ЛАНТЮХОВА Наталья Николаевна,аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены основные психологические и лингвистические аспекты, связанные с исследованием языковой организации текстов лиц позднего возраста. Изучены современные представления о процессе старения, его психологической и интеллектуальной составляющей как база для лингвистических исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: текст, языковая деятельность, старение, старческий возраст, пожилой возраст, геронтология, геронтогенез, вербальные способности.

SOME PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF LANGUAGE ACTIVITY OF OLD PEOPLE

LANTYUKHOVA N.N.,Postgraduate student of the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature,
Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article describes the main psychological and linguistic aspects related to the study of the linguistic organization of texts of old people. Studied the modern concepts of the aging process, its psychological and intellectual parts as a basis for linguistic research.

KEY WORDS: text, language activities, aging, old age, old people, gerontology, gerontogenes, verbal ability.

К ак справедливо указывается в современной научной литературе, современная лингвистика становится все более антропоцентричной: в фокусе внимания целого ряда направлений лингвистики (психо-, социо-, прагма-, этно-, онтолингвистики и т.п.) оказывается не столько сам язык, сколько человек, говорящий на нем. «Усиление роли «человеческого фактора» приводит ученых к осознанию важности не только проблем описания языковой структуры, но и задач всестороннего исследования homo loquens (человека говорящего)» [1, с. 5]. Именно антропоцентричность современной науки обусловила появление многочисленных исследований по речевому портретированию различных социальных групп (см., например: [2–4]) и интерес к названному направлению в отечественной и мировой лингвистике.

Общепризнанным является тот факт, что в тексте как продукте речевой деятельности человека находят отражение как индивидуальные психологические характеристики личности, так и характеристики определенной социальной группы носителей языка, объединенной по некоторому признаку (полу, профессии, возрасту и т.д.).

В настоящее время в научной литературе имеется немало работ, посвященных изучению особенностей речи лиц определенных возрастных групп. Однако нетрудно заметить, что подавляющее боль-

шинство из них ориентировано на изучение детской речи. В рамках психолингвистики оформилось даже самостоятельное научное направление – онтолингвистика, изучающее формирование речевой способности ребенка, возникновение и развитие индивидуального языка и дальнейшие возрастные изменения в языке индивида. В то же время изучению специфики языковой деятельности других возрастных групп уделяется мало внимания, а работы по исследованию речи лиц пожилого и старческого возраста и вовсе крайне малочисленны (особенно на материале русского языка).

Как нам представляется, указанное обстоятельство в значительной мере обусловлено тем, что старение долгое время воспринималось учеными как простая инволюция личности, связанная с угасанием интеллекта, в том числе угасанием языковых способностей человека. Иначе говоря, считалось, что речь пожилых деградирует до уровня детской речи (так называемая гипотеза регрессии) [5, с. 153] и именно поэтому не представляет интереса для научного анализа.

Очевидно, что отношение к старению исключительно как к инволюции было связано с малой изученностью названного процесса, непониманием его сути и механизмов. Трактовка старости как периода физической и интеллектуальной деградации основывалась на полученных в середине и в нача-

ле XX века данных о негативных физиологических и нейробиологических изменениях, происходящих в процессе старения (уменьшении массы мозга в глубокой старости, нарастании диспропорции между весом мозга и емкостью черепа за счет утолщения его костей, уменьшении извилин и расширении борозд, уменьшении общего количества нервных клеток, специфических изменениях функциональных особенностей нервной системы, таких как снижение скорости проведения нервного импульса через синапсы, ухудшение трофики вследствие нарушения кровоснабжения, повышение пороговых величин аналитической деятельности за счет перерождения рецепторных и проводящих аппаратов и др.) [6, с. 49–50; 7, с. 14; 8, с. 50–54].

Однако уже во второй половине XX века научные представления о старении человека изменились и стало очевидно, что геронтогенез, то есть процесс старения, не так однозначен. Еще в 1960 году известный отечественный геронтолог В.В. Фролькис выдвинул идею о том, что с возрастом наряду с угасанием, разрушением, повреждением возникают также важные адаптационные механизмы, противостоящие тотальной инволюции [8, с. 7–8]. Данное предположение было подтверждено позднейшими исследованиями.

В настоящее время доказано, что одновременно с инволюционными процессами в развитии личности происходят и обратные, «антистарческие» процессы, противостоящие инволюции. Доказано также, что существует особый механизм компенсации возникающих возрастных изменений, который может обеспечивать полную адаптацию личности к новым условиям жизни при условии, если данный механизм включает элементы обучения новым видам и способам деятельности, новым стратегиям поведения, направленным на преодоление дефицитарности. Более того, открытие геронтологией названных процессов (новых способов регуляции и адаптации) привело к тому, что в настоящее время во многих исследованиях старение рассматривается как продолжение онтогенеза (развития) человека [9, с. 31; 10, с. 25–33; 11, с. 725–759; 12, с. 66; 8, с. 50–54; 13, с. 157–161; 14, с. 36–37 и др.].

Таким образом, в последние годы в научной литературе все более утверждается точка зрения, согласно которой старение не может рассматриваться как простая инволюция, угасание или регресс: «Старение не есть механическое обратное развитие, сопровождаемое последовательным редуцированием органов чувств, как это представлялось до недавнего времени» [15, с. 81].

Полностью принимая приведенное выше утверждение, следует отметить, что большинство современных исследователей не отрицают сам факт снижения общего интеллекта в процессе старения, дискуссионными являются вопросы о том, насколько существенно такое снижение, по каким причинам оно происходит, насколько этот процесс индивидуален и – главное – как, насколько и чем этот процесс компенсируется. Весьма существенным представляется и то обстоятельство, что в настоящее время ученые [14; 17; 9; 16; 15] говорят о возможности выведения возрастных норм интеллекта и памяти, опираясь на которые можно было бы судить об уровне интеллектуального развития, интеллектуальной сохранности индивида в старости. Процесс старения крайне индивидуален, люди одного и того же возраста обнаруживают чрезвы-

чайно большой диапазон показателей, характеризующих состояние интеллектуально-мнестических функций.

Данные выводы подтверждаются как зарубежными, так и отечественными исследованиями. Так, например, У. Шай по результатам эксперимента делает вывод о том, что достоверное снижение интеллектуальных способностей у человека не выявляется до 67 лет, причем в дальнейшем, вплоть до 80 лет, это снижение имеет довольно умеренные значения и происходит не линейно, а ступенчато и по отдельным функциям с различными скоростями. Различия в интеллектуальном снижении между возрастными когортами, по мнению автора, целиком связаны с фактором образования [18, с. 72–89].

Схожую мысль высказывает и В.В. Фролькис. Анализируя серию экспериментов с лицами в возрасте 20–96 лет, он приходит к выводу, что существенного снижения интеллектуальных способностей в процессе увеличения возраста человека не происходит. Более того, в 55–60 лет у людей обнаруживается второй максимум творческой деятельности. По мнению названного ученого, высокий уровень психической активности может сохраняться десятками лет до глубокой старости, оставаться стабильным в условиях существенных возрастных изменений в других органах и системах. Обнаруженные некоторые инволюционные процессы (ухудшение процессов распределения, сосредоточения и концентрации внимания, удержания в памяти; уменьшение количества воспринимаемой и перерабатываемой информации) успешно компенсируются испытуемыми сохранением и развитием логической памяти, смысловой организацией материала, включением большего количества анализаторов, произвольным уменьшением скорости предъявляемого материала, повышением мотивационных факторов, использованием опыта, выработанных стереотипных реакций и др. [8, с. 50–54].

Интересны исследования интеллекта пожилых с помощью психологических тестов Векслера (7 вербальных и 4 невербальных). По результатам подобных исследований было установлено, что на поздних этапах онтогенеза остаются без каких-либо существенных изменений те вербальные познавательные функции личности, которые связаны с запасом знаний, способностью к категоризальному обобщению и пониманию значений слов. Более того, старшая возрастная группа значимо превосходит группу студентов по субтесту «Понятливость», что, по мнению М.А. Холодной, обусловлено влиянием накопленного социального знания. В то же время успешность выполнения невербальных заданий обнаруживает отчетливое постепенное снижение по мере приближения к пожилому возрасту. По мнению М.А. Холодной, интеллектуальная сохранность на поздних этапах онтогенеза обеспечивается главным образом за счет работы механизмов понятийного мышления, которые компенсируют снижение эффективности работы механизмов, обеспечивающих пространственные преобразования и оперативные формы переработки информации [6, с. 88–89; 19, с. 172–176]. Данные выводы соотносятся с наблюдениями Г. Крайга, который отмечал [11, с. 719–759], что большая часть умственных способностей в пожилом возрасте практически не изменяется, однако уменьшается скорость когнитивной обработки информации и ослабевают те интеллектуальные функции, которые во многом зависят от скорости

выполнения действия. Однако при этом, когда познавательные способности приходят в упадок и наблюдается явное снижение скорости когнитивной обработки информации, организм изыскивает внутренние возможности для компенсации. В результате любое нарушение в пределах нормы оказывает очень незначительное влияние на повседневную жизнь пожилого человека. «Таким образом, несмотря на то, что с возрастом когнитивная обработка информации действительно становится менее эффективной, ухудшение, по-видимому, во многом преувеличено» [11, с. 746].

Вообще необходимо учитывать, что человек развивается на протяжении всей его жизни: так, сенсорное развитие достигает фазы зрелости в 18–25 лет, интеллектуальные, творческие способности могут достигать в среднем своего оптимума гораздо позже – в 35 лет, а личностная зрелость – в 50–60 лет. Представления о пике, или оптимуме, в какой-либо один период для всех функций оказываются искусственными. При этом если в период роста быстрее всего развиваются те функции, которые имеют первостепенное значение для становления других форм психики (например, в раннем дошкольном детстве формируется ориентация в пространстве, а затем позже ребенок усваивает понятия о времени), то в период старения сохранность и дальнейшее развитие одних функций обеспечивается за счет других, которые в это время ослабевают. Осведомленность, словарный запас пожилого человека могут увеличиваться, в то время как психомоторика и сенсорно-перцептивные функции ухудшаются, если отсутствует их систематическая тренировка и они не включены в профессиональную деятельность. Происходит переструктурирование отношений между различными психическими процессами, обусловленное как изменениями в состоянии центральной нервной системы, так и психосоциальными факторами [15, с. 137–144; 20, с. 200–215; 13, с. 157–161].

Как показывают современные исследования интеллекта, проведенные психологами, наименьшую тенденцию к спаду с возрастом обнаруживают вербальные способности [6, с. 88–89; 21; 20, с. 212–216]. Их уникальность состоит в противоположном ходе развития: если невербальные функции уже в 30–35 лет постепенно стабилизируются, а к 40 годам их снижение становится резко выраженным, то вербальные функции именно с этого периода прогрессируют наиболее интенсивно, достигая наиболее высокого уровня после 40–45 лет. При этом вербально-логические функции могут продолжать свой прогресс и тогда, когда инволюция уже глубоко затронула невербальный интеллект и сенсомоторику человека. В пределах всех фаз взрослости не найдено каких-либо непреодолимых барьеров для вербального и словесного обучения [15, с. 137–144; 22, с. 112–128].

По мнению В.Г.Ананьева, именно вербальные способности чрезвычайно тесно связаны с уровнем образования: постоянное образование и самообразование в течение всей жизни позволяет сохранить их до глубокой старости: «Несомненно, речемыслительные, второсигнальные функции претерпевают общему процессу старения и сами претерпевают инволюционные сдвиги значительно позже всех других психофизиологических функций. Эти важнейшие приобретения исторической природы чело-

века становятся решающим фактором онтогенетической эволюции человека» [15, с. 140–141].

В целом исследования вербальных способностей и языковой деятельности пожилых людей в современной научной литературе довольно малочисленны и противоречивы: в одних работах приводятся данные о понижении названных способностей и ослаблении языковой деятельности представителей позднего возраста, в других – данные об удивительно высоких результатах, демонстрируемых пожилыми респондентами. Объяснения различий в результатах обследований также существенно разнятся: в качестве таковых называются эффект кагорты, ошибки в методике исследования, различия в уровне образования респондентов и др.

Собственно лингвистические аспекты языковой деятельности лиц пожилого возраста анализируются в основном зарубежными исследователями. Если обобщить результаты подобных работ (см., например: [5; 23–30]), то установленными особенностями речи лиц позднего возраста можно считать следующие:

- на уровне лексики: более высокие показатели лексического разнообразия, чем у молодых носителей языка;
- на уровне морфологии: уменьшение количества используемых предлогов и подчинительных союзов;
- на уровне синтаксиса: уменьшение разнообразия в построении синтаксических структур; упрощение грамматики текста (особенно после 75 лет), трудности в построении сложных предложений;
- на уровне общей организации и оформления речевых произведений: краткость текста, увеличение количества ошибок.

Названные особенности языковых произведений и организации текстов лиц пожилого возраста характеризуются современными исследователями весьма неоднозначно. Особые разногласия вызывает синтаксический параметр – упрощение грамматики текста. Далеко не все ученые связывают названный параметр с изменениями в когнитивной сфере личности, общим спадом памяти и интеллекта при старении, как это объясняется, например, в работах С. Кемпер [25–27]. Все больше сторонников приобретает точка зрения, согласно которой упрощение грамматики текста, обнаруживаемое в речи лиц позднего возраста, может свидетельствовать о стремлении лиц названной социальной группы к «менее изысканному стилю речи (язык произведений Хемингуэя проще, чем, например, Томаса Харди, но никто не думает, что Хемингуэй регрессировал)» [5, с. 140–154] или к упрощению стиля речи под влиянием изменения скорости обращения информации в мире. Подобная причина грамматической упрощенности текстов, продуцируемых лицами позднего возраста, в свете изложенных выше данных современной психологии представляется вполне убедительной. Еще одним объяснением отмеченной особенности языковой деятельности пожилых людей может быть установленный факт увеличения лексического разнообразия текстов с возрастом [29], то есть речь идет об иной языковой модели, когда пожилые люди предпочитают более простые синтаксические конструкции, более легкие для понимания собеседником, заменяя синтаксическую сложность текста лексической.

В целом можно говорить о том, что на современном уровне развития научных исследований установлен факт несомненного своеобразия организации языковой деятельности и организации текстов лицами позднего возраста. Однако конкретные параметры, характеризующие названное своеобразие, полностью не выявлены, а их причины до конца не установлены. В отечественном языкознании проблема речевого портретирования пожилых носителей русского языка по сути дела не ставилась. Вместе с тем, как представляется, изучение названной проблемы с привлечением данных других наук, в

первую очередь данных современной психологии, а также психофизиологии, может не только значительно расширить наши представления о речевой деятельности личности в целом, в том числе применительно к разным этапам ее существования, и об особенностях построения текстов носителями русского языка разных возрастных групп, но и способствовать решению задач интеллектуальной сохранности личности пожилых людей с помощью поддержки и тренировки их вербальных навыков и вербальной (речемыслительной) деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Седов, К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражении эволюции языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук / К.Ф. Седов. – Саратов, 1999. – 430 с.
2. Загоровская, О.В. Речевое портретирование социальной группы как задача современной лексикографии [Текст] / О.В. Загоровская // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С. 174–177.
3. Земская, Е.А. О чем и как говорят женщины и мужчины [Текст] / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская речь. – 1989. – № 1. – С. 42–46.
4. Колокольцева, Т.Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект [Текст] / Т.Н. Колокольцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (97). – С. 88–94.
5. Стюарт-Гамильтон, Я. Психология старения [Текст] / Я. Стюарт-Гамильтон. – СПб. : Питер, 2010. – 320 с.
6. Александрова, М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии [Текст] / М.Д. Александрова. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. – 136 с.
7. Малыгин, Ф.Т. Качество жизни, обусловленное состоянием здоровья лиц пожилого и старческого возраста (обзор литературы) [Текст] / Ф.Т. Малыгин // Качественная клиническая практика. – 2011. – № 1. – С. 11–18.
8. Фролькис, В.В. Экспериментальные пути продления жизни [Текст] / В.В. Фролькис, Х.К. Мурадян. – Л. : Наука, 1988. – 248 с.
9. Сахарова, Т.Н. Эмоционально-нравственная сфера пожилых людей [Текст] / Т.Н. Сахарова. – М. : Прометей, 2011. – 290 с.
10. Обухова, Л.Ф. Проблема старения с биологической и психологической точек зрения [Текст] / Л.Ф. Обухова, О.Б. Обухова, И.В. Шаповаленко // Психологическая наука и образование. – 2003. – № 3. – С. 25–33.
11. Крайг, Г. Психология развития [Текст] / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – СПб. : Питер, 2005. – 940 с.
12. Карсаевская, Т.В. Старость: социально-философский аспект [Текст] / Т.В. Карсаевская // Психология старости и старения: хрестоматия / сост. О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. – М. : ИЦ «Академия», 2003. – С. 65–67.
13. Корсакова, Н.К. Опосредование как компонент саморегуляции психической деятельности в позднем возрасте [Текст] / Н.К. Корсакова, Е.Ю. Балашова // Психология старости и старения: хрестоматия / сост. О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. – М. : ИЦ «Академия», 2003. – С. 155–161.
14. Яцемирская, Р.С. Психопатология пожилого и старческого возраста (курс лекций) [Текст] / Р.С. Яцемирская. – М. : РГСУ, 2001. – 212 с.
15. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания [Текст] / Б.Г. Ананьев. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2001. – 272 с.
16. Носко, И.В. Психология развития и возрастная психология [Текст] / И.В. Носко. – Владивосток: Дальневосточный гос. университет, 2003. – 131 с.
17. Штернберг, Э.Я. Геронтологическая психиатрия [Текст] / Э.Я. Штернберг. – М. : Медицина, 1977. – 216 с.
18. Шай, У.К. Интеллектуальное развитие взрослых [Текст] / Уорнер Шай К. // Психологический журнал. – 1998. – № 6. – С. 72–89.
19. Холодная, М.А. Своеобразие уровней, структурных и стилевых характеристик интеллекта в пожилом возрасте [Текст] / М.А. Холодная [и др.] // Психология старости и старения: хрестоматия / сост. О.В. Краснова, А.Г. Лидерс. – М. : ИЦ «Академия», 2003. – С. 172–176.
20. Психология / отв. ред. А.А. Крылов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2005. – 475 с.
21. Разумникова, О.М. Взаимосвязь качества жизни и когнитивных функций лиц старшего возраста [Текст] / О.М. Разумникова, Л.В. Прохорова // Здоровье. Медицинская экология. Наука. – 2014. – № 2 (56). – С. 11–13.
22. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б.Г. Ананьев. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2001 (а). – 288 с.
23. Bromley, D.B. Aspects of written language production over adult life / D.B. Bromley // Psychology and Aging. – 1991. – № 6 (2). – P. 296–308.
24. Kemper, S. Language decline across the life span: Findings from the Nun Study / S. Kemper, L.H. Greiner, J.G. Marquis, K. Prenovost, T.L. Mitzner // Psychology and Aging. – 2001. – № 16 (2). – P. 22–39.
25. Kemper, S. Life-span changes in syntactic complexity / S. Kemper // Journal of Gerontology. – 1987. – № 42 (3). – P. 323–328.
26. Kemper, S. Life-span changes to adults' language: Effects of memory and genre / S. Kemper, D. Kynette, S. Rash, K. O'Brien, R. Sprott // Applied Psycholinguistics. – 1989. – № 10 (01). – P. 49–66.

27. Kemper, S. Longitudinal change in language production: Effects of aging and dementia on grammatical complexity and propositional content / S. Kemper, M. Thompson, J. Marquis // *Psychology and Aging*. – 2001. – № 16 (4). – P. 600–614.
28. Kemper, S. Tracking Sentence Planning and Production / S. Kemper, D. Bontempo, W. McKedy, R. Schmalzried, B. Tagliaferri, D. Kieweg // *The Journal of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. – 2011. – № 66B (2). – P. 160–168.
29. Rabaglia, C. Natural and constrained language production as a function of age and cognitive abilities / C.D. Rabaglia, T.A. Salthouse // *Language and Cognitive Processes*. – 2011. – Vol. 26. – № 10. – P. 1505–1531.
30. Williams, K. Exploring Interventions to Reduce Cognitive Decline in Aging / K. Williams, S. Kemper // *Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services*. – 2010. – № 48(5). – P. 42–51.